

МИКРОГРУППОВОЙ АНАЛИЗ ФАКТОРОВ РАСПРОСТРАНЕНИЯ СЛУХОВ

© 2010 г. Д.С. Горбатов

*Кандидат педагогических наук, доцент кафедры психологии
Международного института компьютерных технологий, Воронеж;
e-mail: dm_gorbatov@mail.ru*

Рассматривается концепция факторов распространения неподтвержденных сведений, более известная как “основной закон слуха” Г. Оллпорта и Л. Постмэна, а также ее последующие модификации. Обосновывается необходимость учета факторов слухообразования, характерных для совокупных субъектов данной коммуникации – временных микрогрупп, образующихся при обсуждении актуальных сообщений. В ходе микрогруппового анализа описываются следующие из них: гомогенность психологических состояний собеседников при интерпретации проблемной ситуации, совместное признание слухов релевантными положению дел, формирование чувства сплоченности коммуникаторов. Оцениваются преимущества применения микрогруппового анализа к проблеме конкуренции различных вариантов содержания распространяющихся слухов.

Ключевые слова: слухи, факторы распространения слухов, микрогрупповой анализ процессов слухообразования.

Факторы распространения слухов традиционно описываются исследователями данной проблематики на индивидуальном уровне анализа, ограниченном актуальными переживаниями и персональными характеристиками тех, кто воспринимает и передает другим неподтвержденные сведения. При этом из рассмотрения исключаются процессы коммуникативного взаимодействия распространителей сообщений. С нашей точки зрения, не столько индивиды, взятые по отдельности, сколько микрогруппы (диады и клики¹ собеседников), объединяющие этих индивидов на время обсуждения и осмысления полученной информации, должны рассматриваться в качестве действительных субъектов слухообразования. В проведенном нами исследовании предпринята попытка выявления факторов распространения слухов, которые характерны для микрогруппового уровня анализа этого психологического феномена.

“ОСНОВНОЙ ЗАКОН СЛУХА”: РАЗВИТИЕ ИДЕИ, КРИТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

После окончания Второй мировой войны психологи из Гарвардского университета Г. Оллпорт

и Л. Постмэн представили формулу под громким наименованием “основной закон слуха”, описывающую мультипликативное сочетание факторов распространения неподтвержденной информации по каналам межличностного общения: $R \sim I \times A$, где R (*rumor*) – интенсивность слухообразования или “количество слуха в обращении”; I (*importance*) – важность, значимость сообщения; A (*ambiguous*) – неясность, неоднозначность имеющихся сведений [9, 10].

Последующее повсеместное признание данной идеи было обусловлено не столько ее теоретической новизной, сколько оригинальностью самого способа предъявления материала. Имеются в виду три обстоятельства: во-первых, трактовка одной из сложнейших проблем социальных коммуникаций в виде весьма элементарной формулы; во-вторых, стиль изложения концепции, вполне соответствующий “запросу времени” на заимствование психологией элементов понятийной парадигмы естественных наук; и в-третьих, своеобразный “рекламный прием”, заключающийся в презентации именно фундаментального закона, а не частной гипотезы, предварительной версии или априорного умозаключения. При этом ни один из элементов формулы Г. Оллпорта и Л. Постмэна не был представлен в том виде, который допускает

¹ Под “кликкой” здесь и далее подразумевается несколько представителей социальной группы, участвующих в совместном обсуждении информации [2].

его однозначное понимание, сколько-нибудь точные измерения и контролируемые изменения [6].

Согласно замечанию Р. Росноу, описываемая концепция своими корнями уходит в исследование, посвященное совершенно иному феномену – процессам субъективного прогнозирования хода социальных событий [35]. Действительно, ранее Д. Макгрегор сформулировал принцип, согласно которому “влияние субъективных факторов на предсказания ограничено степенью *неясности* стимульной ситуации, но также это влияние зависит и от *важности* для предсказателя касающихся [его] проблем” [27, с. 192]. Гарвардские психологи не были первыми и в экстраполяции названных факторов на область распространения слухов. Так, Р. Кнапп в 1944 г. писал: “В той мере, в которой познаваемый мир неоднозначен или неясен, а мотивация интенсивна, слухи получают жизнь. Если тот или другой факторы незначительны, слух будет иметь скудный срок существования. Как основное правило, слух будет касаться событий, которые не только имеют *субъективную важность* для вовлеченных индивидов, но также *неясны или неструктурированы*” [25, с. 31].

Многочисленными сторонниками столь четкой и наглядной концепции возникновения слухов оказалась проигнорирована критика, с которой в ее адрес выступил Т. Шибутани, в частности, указавший на наличие явных пробелов в представленном перечне факторов и отсутствие каких-либо эмпирических обоснований описанной зависимости [37]. Кроме того, автор предостерегал исследователей социальных феноменов от поверхностного увлечения сугубо естественнонаучной терминологией или квазиматематическими конструкциями. Тем не менее, критические соображения Т. Шибутани не помешали другим исследователям пойти по пути дополнений описываемой формулы.

До сих пор некоторые “профессиональные руморологи” заменяют математическим равенством символ внутрисклонной тильды (\sim), использованный в “основном законе слуха” для обозначения приблизительного соответствия, не принимая при этом каких-либо дополнительных мер по выявлению и операционализации переменных распространения слухов в социальной среде [20].

Ю.А. Шерковин и А.П. Назаретян заменили ее привычные составляющие характеристиками интереса аудитории и дефицита субъективно надежной информации [7]. Причем последний показатель получил определенную детализацию, приняв вид произведения, обратно пропорционального количеству официальных сообщений на

данный момент времени и степени доверия к их источникам. Но при этом оказались проигнорированы (в духе того времени) возможности влияния на процессы распространения слухов каких-либо сведений неофициального характера любой степени достоверности.

В качестве предпосылки для целого ряда эмпирических исследований более перспективным явилось соображение А. Хорэса о необходимости дополнения формулы Г. Олпорта и Л. Постмэна переменной “С”, описывающей “человеческий фактор”: критические способности, психологическую проницательность, социальный интеллект и другие индивидуальные различия распространителей неподтвержденной информации [17].

Действительно, к настоящему времени зафиксировано влияние на процессы слухообразования таких персональных черт коммуникаторов, как тревожность [1, 11, 30, 34], внушаемость [12], доверчивость или склонность к скепсису [19], коммуникабельность [39], возраст и жизненный опыт [29], образование и социально-экономическое положение [38], выраженность расовых и иных предрассудков [26, 31, 40]. Нельзя отрицать важность дальнейших исследований в этом направлении, однако представляется очевидным, что любые личностные или демографические характеристики активных распространителей слухов не должны приниматься во внимание вне контекста тех социальных ситуаций, в которых они проявляются во всей своей полноте или, напротив, временно нивелируются.

Напомним, что согласно современному пониманию сущности рассматриваемого феномена, возникновение слухов прежде всего детерминировано актуальной (действительной или воображаемой) проблемой для жизнедеятельности группы. При недостатке официальной информации или недоверии к ней появляется необходимость прийти к согласованной и ратифицированной другими интерпретации происходящих изменений в привычной социальной среде [13, 15, 35, 38]. Возникающие в виде слухов описания, предсказания или объяснения проблемной ситуации позволяют вовлеченным индивидам лучше осмыслить ее вероятные последствия, приобрести чувство контроля над развитием событий, выразить тревогу, укрепить чувство общности с другими, наконец, повысить свой персональный статус как носителей “достоверной” информации или проницательных предсказателей ближайшего будущего. В целом, аспект ситуативной обусловленности коммуникации, ее “привязки” к конкретной проблеме социального существования, применительно к

слухам играет большую роль, чем в отношении сплетен и современных (или городских) легенд – внешне похожих разновидностей неподтвержденной информации, передаваемых по каналам межличностного общения [3, 18, 28].

Если рассматривать переживание тревоги – характеристику, которая, бесспорно, влияет на процессы зарождения слухов [11], изменение их содержания при передаче от одного лица другому [1], степень доверия сообщениям [30], интенсивность участия в межличностных коммуникациях [34], то меньшее значение будет иметь сравнительно устойчивое свойство личности, выявляемое при помощи соответствующего диагностического инструментария. Самоотчеты испытуемых о стабильности проявлений у них тревожности не дадут гарантий относительно потенциальной выраженности данного качества в любом конкретном случае. Вслед за М. Пеццо и Дж. Бэкстедом [30], следует предположить, что на первый план выступают ее другие стороны: 1) обусловленная самой социальной ситуацией, породившей поток слухов, 2) являющаяся результатом восприятия данного сообщения. К сожалению, в большинстве исследований, посвященных распространению неподтвержденной информации по каналам межличностного общения, такого рода нюансы практически не различимы.

Аналогичная проблема возникает и в отношении социально-демографических признаков распространителей слухов. Так, согласно данным Т. Шибутани [38], уровень образования напрямую связан с критичностью мышления и поэтому способен стать действенным препятствием на пути нелепых слухов. Однако Ж.-Н. Кэпферер [24] обнаружил, что самым активным образом в распространении избыточных грубыми ошибками и явными заблуждениями сообщений об опасности ряда пищевых добавок участвовали как раз наиболее образованные слои населения. В частности, выяснилось, что многие врачи и учителя некритично передавали информацию о том, что обычная лимонная кислота (*E 330*) является одним из опаснейших канцерогенных веществ. Резонно предположить, что и в других случаях общий уровень образования “слухмейкеров” окажется менее значимым, чем их компетентность в весьма ограниченной сфере, полностью соответствующей специфике социальной ситуации и предмету слуха.

Таким образом, не абстрактные наименования тех или иных характеристик распространителей, но их отражения через призму конкретных проявлений в ситуациях коммуникативного взаи-

модействия следует рассматривать в качестве эффективных дополнений формулы “основного закона слуха”. Иначе говоря, с большим основанием в нее могут быть включены не столько сами личностные и социально-демографические составляющие из перечня А. Хорэса [17], сколько их производные, возникающие в том или ином ситуативном контексте.

Существенный вклад в дальнейшее развитие идеи “основного закона” был внесен Р. Росноу [32, 35, 36], обосновавшим необходимость следующих модификаций: а) замены классических составляющих формулы Г. Олпорта и Л. Постмана на близкие по смыслу, но более конкретные по своему содержанию переменные; б) включения в перечень слухообразующих факторов эмоционального компонента; в) учета степени доверия сообщениям как условия их дальнейшего распространения.

Основываясь на результатах ряда эмпирических исследований [11, 22, 33, 34 и др.], Р. Росноу сформулировал четыре фактора зарождения и распространения слухов:

- общая неуверенность (*general uncertainty*) или повсеместная атмосфера неопределенности, неизвестности, отсутствия когнитивной ориентации в сути происходящего;
- вовлеченность в значимые последствия (*outcome-relevant involvement*), переживание собственной причастности к прогнозируемым результатам обсуждаемых событий;
- индивидуальная тревога или личное беспокойство (*personal anxiety*), острое или хроническое эмоциональное состояние, связанное с предчувствием приближения потенциально неутешительных последствий;
- легкоеверие (*credulity*) или доверие (*trust*) сообщению, субъективное убеждение в правдивости или, по крайней мере, правдоподобии его содержания.

Трудно не согласиться с утверждением, что “слухи возникают и распространяются, когда люди сомневаются и тревожатся о предмете, лично относящемся к ним, и когда слух кажется вероятным в восприятии тех, кто вовлечен в его распространение” [16, с. 87]. Вместе с тем, есть основания полагать, что представленный перечень факторов не является исчерпывающим и систематизированным.

Данная разновидность коммуникации, всегда являющаяся *совместной*, рассматривается Р. Росноу только на индивидуальном уровне анализа

проблемы. На первый взгляд, один из факторов в этом списке – *общая неуверенность* – по своей редакции кардинально отличается от остальных, так как сформулирован применительно ко всей совокупности участников процесса слухообразования. Однако это обусловлено лишь тем очевидным соображением, что состояние неуверенности, переживаемое индивидом в одиночку, скорее приведет его к поискам более искушенного собеседника, чем к распространению разнообразных домыслов. Автором постулируется наличие некоего объединения “индивидуальных неуверенностей” – социальной атмосферы, в которой каждый испытывает сходное с другими состояние временной когнитивной дезориентации. Все остальные факторы “питательной среды” слухов, описанные Р. Росноу, еще более отчетливо связаны с персональными характеристиками распространителей. Подчеркнем, что никаких собственно групповых факторов слухообразования – специфичных для совокупного субъекта воспроизводства неподтвержденных известий, но не для переносчиков слуха, взятых по отдельности – при этом не формулируется.

МИКРОГРУППОВОЙ ПОДХОД К ПРОБЛЕМЕ РАСПРОСТРАНЕНИЯ СЛУХОВ

В рамках описанного выше подхода, распространенного в американской традиции исследований проблематики слухов [14], та или иная социальная общность фактически рассматривается лишь как сумма входящих в нее индивидов. Любые дополнительные признаки, присущие взаимодействующим лицам как своеобразной целостной микросистеме, подобный “методологический индивидуализм” игнорирует. Исходя из основополагающего тезиса Т. Шибутани о том, что в естественной среде своего существования слухи не остаются предметом пассивного восприятия, а, напротив, совместно обсуждаются, истолковываются и переосмысливаются собеседниками [38], на наш взгляд, целесообразно описывать их посредством не индивидуального, а микрогруппового анализа.

Ориентация на *микрогруппу* как особый субъект слухообразования обусловлена тем, что этот процесс, при всей скорости распространения, не охватывает одновременно всю группу членства, организацию, толпу или иное значительное по численности сообщество. В центре нашего рассмотрения окажутся те кратковременные диады и клики, в составе которых индивиды “объединяют свои интеллектуальные ресурсы” [там же, с. 17]

для создания субъективно достоверной и совместно утвержденной интерпретации актуальной для них проблемной ситуации.

Как мы уже подчеркивали ранее [2], применение микрогруппового анализа не ограничено изолированными друг от друга диадами и кликами, но, напротив, распространяется на все их множество, образующееся в пределах тех или иных социальных объединений в течение промежутка времени, составляющего жизненный цикл неподтвержденного сообщения. Процесс передачи подобных сведений по обширной аудитории обеспечивается теми индивидами, которые последовательно входят в состав различных микрогрупп на время, достаточное для участия в совместной оценке, осмыслении и уточнении поступившей информации. При этом привнесенная в новую микрогруппу готовая версия интерпретации проблемной ситуации каждый раз вновь становится предметом коммуникативного взаимодействия. Нередко это взаимодействие, например, в силу опасности со стороны властных структур, претендующих на информационную монополию, ограничивается одними невербальными проявлениями, глухими намеками или какими-то односложными репликами неопределенного свойства, однако само его наличие представляется несомненным.

Перейдем к описанию основных факторов распространения слухов, проявляющихся при микрогрупповом анализе данной проблемы.

Первый – *гомогенность психологических состояний собеседников при интерпретации проблемной ситуации* – вытекает из общей логики концепции Г. Олпорта и Л. Постмэна, а также ее преобразования, осуществленного Р. Росноу. Переживания субъективной значимости происходящего, неясности, тревоги, собственной вовлеченности в ход событий или иные индивидуальные характеристики будут являться условиями распространения сообщения только в том случае, когда они проявляются у множества взаимодействующих лиц. И наоборот, процесс передачи слуха естественным образом прервется на тех, кто не испытывает тревоги и неизвестности, не считает полученное сообщение сколько-нибудь значимым или склонен воспринимать его в качестве нелепых рассказов.

Таким образом, фактор однородности переживаний представляется более существенным, чем возможные совпадения собственно личностных или социально-демографических параметров. Добавим, что зачастую признаки такого рода не присутствуют изначально у всех представителей потенциальной аудитории слуха, но приобрета-

ются ими в процессе интенсивного микрогруппового взаимодействия. Когда же они перестают получать подкрепление от членов очередных клик и диад, жизненный цикл сообщения приближается к завершению.

Теоретической предпосылкой для выделения следующего фактора стала *теория социального сравнения* Л. Фестингера [21], согласно которой одной из базовых потребностей людей является стремление к постоянному оцениванию своих мнений, действий, отношений к чему-либо. Если становится невозможной опора на “объективное тестирование действительности”, т.е. на доступные фактические стандарты, приходится полагаться на других, чтобы путем социального сравнения получать информацию о разумности собственных суждений.

Это означает, что неизменным условием для передачи слуха по каналам межличностного общения является констатация собеседниками соответствия того описания или объяснения, предупреждения или предсказания, которое было им представлено, специфике обсуждаемой ситуации. При этом результаты рассмотрения членами микрогруппы поступившей к ним неподтвержденной информации могут способствовать или, напротив, препятствовать персональным намерениям далее передавать ее. Известно, что, опасаясь за свой престиж в глазах партнеров по общению, индивиды предпочитают не становиться распространителями заведомо неверных сведений [16, 23, 36, 38]. Таким образом, появляются основания считать, что вторым фактором при микрогрупповом уровне анализа станет *совместное признание слуха релевантным сложившемуся положению дел*.

Вместе с тем, это не означает, что “экспертиза” качества сообщения будет осуществляться микрогруппой исключительно с позиций стремления к рациональности суждений и точности установления фактов. Еще Ф. Олпорт и М. Лепкин [8] констатировали, что слух оценивается его получателями в контексте мировоззрения, и вера в него обусловлена тем, вступает ли сообщение в резонанс с имеющейся картиной мира. При этом очевидно, что если сведения были признаны собеседниками однозначно ложными или их интерпретация глубоко ошибочной, то такой слух, как не выдержавший испытания социальным сравнением, кардинальным образом изменится или вовсе перестанет существовать.

В качестве третьего фактора выделим *формирование чувства сплоченности в пределах микрогруппы*. В условиях социального стресса, по-

рождающего поток неподтвержденных сведений, происходит усиление тенденции к аффилиации, склонности находиться в обществе тех, кто оказался “в одной лодке”, стоит “по одну сторону баррикад”. Поэтому столь широко подчас распространяются сообщения, которые не уменьшают, а увеличивают тревогу, не претендуют на правдоподобие, а, напротив, отличаются нелепостью своего содержания. На первый план выступает их свойство содействовать переживанию солидарности, поддерживать своеобразное “Мы-чувство”, в чем так нуждаются обеспокоенные и временно дезориентированные члены клик и диад.

Именно таким образом следует интерпретировать результаты исследования Ш. Томаса [39], посвященного слухам о всплеске преступности, появившемся среди населения городка Батон-Руж, в который были эвакуированы жители соседнего мегаполиса из-за урагана “Катрина”. По мнению автора, пугающий масштаб распространения подобных сообщений стал прямым следствием высокой коллективной эффективности (*collective efficacy*), феномена, объединившего в себе качества доверия в пределах общины и готовности ее членов осуществлять контроль за состоянием общественного порядка. При этом у исследователя не было данных об отсутствии аналогичных слухов о преступлениях среди самих беженцев из Нового Орлеана, что допускает альтернативную трактовку событий, согласно которой поток слухов обусловлен не столько характеристикой изначального единства сообщества, сколько стремлением членов микрогрупп всемерно укреплять чувство собственной сплоченности перед лицом природного катаклизма.

Слухи о злоумышленниках предоставляют для этого все необходимые возможности. Как заметили Г. Олпорт и Л. Постман [10], их популярность при стихийных бедствиях обусловлена потребностью в поиске “козлов отпущения” для уменьшения фрустрации, вызванной невозможностью эффективно противостоять силам природы. Имеем ли мы дело с рассказами о линчевании мародеров, в чьих карманах якобы обнаружили “женские пальцы, с которых не успели снять кольца” [9, с. 511], или с разговорами о применении враждебной державой “геологического” и “климатического” оружия [5, с. 102] – конкретизация “виновных” неизменно будет способствовать усилению солидарности собеседников, стремящихся хотя бы таким путем приобрести опору в неконтролируемом и меняющемся мире.

Особо отметим, что, говоря о чувстве сплоченности, возникающем у членов кратковременных

клик и диад, мы имеем в виду предпосылку к последующему коммуникативному обмену, но не к дальнейшим совместным действиям в отношении объекта внешней угрозы. Известно, что слухи далеко не всегда способствуют мобилизации ресурсов для достижения общей цели. Нередко они подталкивают собеседников к индивидуальной активности, готовности конкурировать с другими или формируют предрасположенность к пассивности, бездействию, отказу от прежде значимых целей. Важно подчеркнуть, что без актуализации этого чувства, играющего роль своеобразного защитного механизма в проблемной ситуации, невозможно существование слуха.

Для иллюстрации значения факторов, выявленных на микрогрупповом уровне анализа, обратимся к идее британского биолога Р. Докинза [4] о конкуренции неких самокопирующихся устойчивых элементов культуры – *мимов* (*memes*). Данный подход уже получил применение при описании эмоциональных аспектов восприятия городских легенд, наряду со слухами входящих в категорию неподтвержденных сведений, передаваемых по каналам межличностного общения [23].

Согласно Р. Докинзу, культурный фонд человечества состоит из множества дискретных единиц, которые по аналогии с генами существуют в условиях своеобразного эволюционного изменения путем “естественного отбора”. Именно так, постоянно конкурируя, сохраняются, распространяются и видоизменяются “мелодии, идеи, модные словечки и выражения, способы варки похлебки или сооружения арок” [4, с. 151]. При этом “выживаемость” или вероятность репликации любого мима обусловлена качеством его психологической привлекательности для максимального количества людей.

Заметим, что ни одна из концепций факторов слухов, сосредоточенная на индивидуальном уровне анализа проблемы, не предполагает ответа на вопрос, почему какие-либо версии сообщения в конечном счете вытесняют остальные из числа обсуждаемых в данном сообществе. Нет особых сомнений лишь в отношении аспекта доверия передаваемым сведениям: понятно, что при прочих равных условиях преимущества получит слух, который покажется аудитории сравнительно более достоверным. Однако нельзя утверждать, что в общественном сознании закрепится тот вариант известия, который не оставит места для сомнений и неуверенности, полнее других выразит или, напротив, уменьшит общую тревогу, всегда будет характеризоваться максимальной степенью вовлеченности индивидов в ход событий. Тогда

в любой проблемной ситуации неизменно доминировали бы сообщения, претендующие на исчерпывающее описание всевозможных нюансов, максимально ужасающие (или успокаивающие) аудиторию и отличающиеся, в итоге, чуть ли не эсхатологическим содержанием как единственно допускающим предельную вовлеченность всех и каждого в суть событий.

В частности, слухи о технологических авариях, стихийных бедствиях, вооруженных конфликтах, преступлениях или эпидемиях принимали бы неизменно экстремальный вид. Однако опыт подсказывает, что интенсивно передаваемый слух вполне может оставаться относительно усредненным по названным выше параметрам. Иначе говоря, за редкими исключениями, всегда сохраняется возможность для произвольного конструирования исследователем еще более запредельной и, вместе с тем, достаточно “правдоподобной” версии сообщения, в сравнении с той, которая в действительности уже получила широкое распространение.

Примером может служить история о “безумном мэттоунском отравителе”, будто бы распылявшем ночами неизвестный газ в окна домов, чтобы парализовать их беззащитных обитателей. Этот слух, активно подхваченный местной прессой, стал причиной крайней обеспокоенности населения провинциального американского городка и его ближайших окрестностей в конце Второй мировой войны [12]. Тем не менее, анализ материалов, проведенный Р. Бартоломеу и Дж. Виктором, свидетельствует, что содержание сообщений, в принципе, могло быть гораздо более выразительным: внушающим высокую тревогу (“действует банда отравителей...”) или явно успокаивающим (“уже пойманы полицией...”), уменьшающим общую неуверенность (“известны все приметы преступника...”) или усиливающим вовлеченность в субъективно значимые последствия (“только что у соседей...”). Но подобной тенденции не наблюдалось.

Другим примером, подтверждающим вышесказанное, является недавний случай “появления” на Украине в результате то ли аварии на железной дороге, то ли взрыва на химическом заводе “ртутного облака”, движущегося в сторону приграничных областей РФ. Этот слух вызвал кратковременную волну панических настроений у некоторых жителей данных регионов в начале июня 2009 г. Тем не менее, анализ материалов, собранных нами в ходе опроса 264 человек, свидетельствует, что содержание передаваемых сообщений также не достигало высочайшей степени экстремаль-

ности: оно вполне могло бы внушать еще большую тревогу (“это облако радиоактивно...”) или сильнее успокаивать (“там же и рассеялось...”), резко уменьшать общую неуверенность (“МЧС предупреждает...”) или предельно увеличивать вовлеченность в значимые последствия (“гибнут в первую очередь дети...”).

Очевидно, что в естественной среде своего существования различные варианты одного и того же слуха вовсе не конкурируют между собой на предмет соответствия факторам “основного закона” в его изначальном или модифицированном виде. Составляющие формулировок Г. Олпорта, Л. Постмана или Р. Росноу, скорее, описывают самое начало процесса слухообразования, нежели его дальнейшее развитие. В противоположность этому, микрогрупповой анализ позволяет сформулировать объяснения того, почему в проблемной ситуации получает относительное доминирование та или иная версия сообщения. Более того, в перспективе появляется возможность для теоретического прогнозирования характера последующих изменений его существующих вариантов.

Предлагая новую трактовку факторов распространения слухов, мы исходим из того, что коммуникативное взаимодействие в пределах микрогруппы становится способом реализации того самого естественного отбора в сфере информации, о котором писал Р. Докинз. При этом общее одобрение того или иного варианта слуха как соответствующего действительности и усиливающего эффект аффилиации будет являться мощным стимулом для его последующего распространения в других микрогруппах. Соответственно, версия, вызвавшая чьи-то сомнения, вопросы, возражения или, тем более, единодушно отвергнутая собеседниками, получит значительно меньшие шансы на существование.

Возвращаясь к слуху о “таинственном отравителе”, описанному Р. Бартоломеу и Дж. Виктором [12], можно высказать предположение, что динамика его содержания была ориентирована не на безудержное выражение тревоги, общей неуверенности и вовлеченности распространителей в значимые последствия, а на усиление степени гомогенности этих психологических состояний в пределах образовавшихся клик и диад. И как только требуемая для распространения слуха гомогенность была достигнута, развитие эмоционального компонента сообщения приостановилось. Для успешного формирования чувства сплоченности собеседников роль преступника была отведена не местному жителю, а “чужаку”, “бродяге”, “сумасшедшему”, априори не принадлежащему

к коммуникативному сообществу. Такие сведения и были совместно признаны релевантными сложившейся проблемной ситуации. Когда же интенсивные поиски виновного и улики преступлений оказались безуспешными, слух оказался отвергнут теми же самыми индивидами, вошедшими в состав других микрогрупп.

Выявление специфики того, каким образом в ходе микрогруппового обсуждения происходит формулирование совместного “вердикта” относительно преимуществ конкретной разновидности сообщения по сравнению с другими из возможных, требует существенных изменений парадигмы эмпирических исследований. Вместо наиболее распространенных в современной практике изучения слухов методов устного опроса и лабораторного эксперимента на передний план выступает *наблюдение*.

Данный метод успешно используется при изучении процессов обсуждения слухов в сети Интернет [13, 15, 19 и др.]. Однако исследователи “виртуальной реальности”, как правило, работают лишь с изолированными микрогруппами и не имеют возможности наблюдать за теми же индивидами, переносящими слухи в другие клики или диады. Поэтому более целесообразным, при всей трудоемкости соответствующих процедур, представляется систематизированное включенное наблюдение за процессами слухообразования в ситуациях непосредственного (очного) взаимодействия распространителей сообщений. При этом, с одной стороны, обеспечивается сохранение естественности условий наблюдаемой среды, а с другой – исследователи получают доступ ко всем последующим изменениям содержания слухов, как минимум, в нескольких взаимосвязанных микрогруппах собеседников.

В этом случае появляется возможность достоверно установить, какую роль при принятии микрогрупповых решений играют такие социально-психологические феномены, как конформность, власть авторитета, влияние меньшинства, проявления “группомыслия” и “сдвига к риску”, отношения референтности и аттракции, процессы социальной идентификации и стереотипизации. Закономерности распространения слухов, являющихся общепризнанным элементом социально-психологического знания, нередко изучаются сами по себе, в искусственном отрыве от других, в том числе и основополагающих составляющих этого знания, что нельзя считать допустимым.

Таким образом, имеются основания считать, что факторы распространения слухов, описанные посредством индивидуального анализа, должны быть

дополнены теми, которые характерны для временных коммуникативных образований – клик и диад собеседников, совместно осмысляющих и изменяющих поступившие сведения. Использование многоуровневого подхода к решению данной научной проблемы будет способствовать тому, что “основной закон слуха” примет действительно систематизированный вид, в большей мере соответствующий современному состоянию социальной психологии.

ВЫВОДЫ

1. Дальнейшее исследование процессов слухообразования требует переориентации с индивидов на кратковременные контактные микрогруппы, являющиеся совокупными субъектами воспроизводства и изменения неподтвержденных сведений. В этом случае становится возможным изучение всех факторов распространения сообщений, обусловленных диалогической природой данной разновидности коммуникации.

2. Результаты теоретического анализа позволяют утверждать, что при прохождении через “сито” обсуждений проблемной ситуации в кликах и диадах особые преимущества приобретают те сообщения, которые а) способствуют усилению гомогенности психологических состояний, переживаемых собеседниками; б) признаются релевантными совместному восприятию положения дел; в) формируют чувство сплоченности коммуникаторов перед лицом внешней угрозы.

3. В качестве эмпирической предпосылки для преодоления “методологического индивидуализма”, характерного для исследований данной проблематики, целесообразно рассматривать систематизированное наблюдение за процессами слухообразования в микрогруппах, располагающихся в соседствующих ячейках коммуникативной сети сообщества. Применение этого метода позволит с большей полнотой отразить особенности распространения неподтвержденных сведений по каналам межличностного общения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горбатов Д.С. Психологические закономерности изменения содержания слухов // Вопросы психологии. 2008. № 2. С. 94–102.
2. Горбатов Д.С. Сплетничество как социально-психологический феномен // Психол. журн. 2009. Т. 30. № 1. С. 64–72.
3. Горбатов Д.С. Слухи, сплетни, городские легенды: психологическая природа различий // Вопросы психологии. 2009. № 4. С. 71–79.
4. Докинз Р. Эгоистичный ген. М.: Мир, 1993.
5. Назаретян А.П. Агрессивная толпа, массовая паника, слухи: лекции по социальной и политической психологии. СПб.: Питер, 2003.
6. Петросян А.Э. В паутине фамы (природа слухов, их распространение и социальный резонанс) // Вестник Омского университета. 2008. № 3. С. 114–126.
7. Шерковин Ю.А., Назаретян А.П. Слухи как социальное явление и как орудие психологической войны // Психол. журн. 1984. Т. 5. № 5. С. 41–51.
8. Allport F.H., Lepkin M. Wartime Rumors of Waste and Special Privilege: Why Some People Believe Them // Journ. of Abnormal and Social Psychology. 1945. V. 40. P. 3–36.
9. Allport G.W., Postman L. An Analysis of Rumor // The Public Opinion Quarterly. 1946–1947. V. 10. № 4. P. 501–517.
10. Allport G.W., Postman L.J. The Psychology of Rumor. N.Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1947.
11. Anthony S. Anxiety and Rumor // Journ. of Social Psychology. 1973. V. 89. P. 91–98.
12. Bartholomew R.E., Victor J.S. A Social Psychological Theory of Collective Anxiety Attacks: The “Mad Gasser” Reexamined // The Sociological Quarterly. 2004. V. 45. № 2. P. 229–248.
13. Bordia P., Rosnow R.L. Rumor Rest Stops on the Information Highway: Transmission Patterns in a Computer-Mediated Rumor Chain // Human Communication Research. 1998. V. 25. № 2. P. 163–179.
14. Bordia P., DiFonzo N. When Social Psychology Became Less Social: Prasad and the History of Rumor Research // Asian Journ. of Social Psychology. 2002. № 5. P. 49–61.
15. Bordia P., DiFonzo N. Problem Solving in Social Interactions on the Internet: Rumor as Social Cognition // Social Psychology Quarterly. 2004. V. 67. № 1. P. 33–49.
16. Bordia P., DiFonzo N. Psychological Motivations in Rumor Spread // Rumor Mills: The Social Impact of Rumor and Legend / Eds. G.A. Fine, C. Heath, V. Champion-Vincent. N.Y.: Aldine Press, 2004. P. 87–101.
17. Chorus A. The Basic Law of Rumor // Journ. of Abnormal and Social Psychology. 1952. V. 48. P. 313–314.
18. DiFonzo N., Bordia P. Rumor, Gossip and Urban Legends // Diogenes. 2007. V. 213. P. 19–35.
19. Donovan P. How Idle Is Idle Talk? One Hundred Years of Rumor Research // Diogenes. 2007. V. 213. P. 59–82.

20. *Doorley J., Garcia F.G.* Rumor Has It: Understanding and Managing Rumors // *The Public Relations Strategist*. 2007. № 3. P. 27–31.
21. *Festinger L.* A Theory of Social Comparison Processes // *Human Relations*. 1954. № 7. P. 117–140.
22. *Jaeger M.E., Anthony S., Rosnow R.L.* Who Hears What from Whom and with What Effect: A Study of Rumor // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1980. № 6. P. 473–478.
23. *Heath C., Bell C., Sternberg E.* Emotional Selection in Memes: The Case of Urban Legends // *Journ. of Personality and Social Psychology*. 2001. V. 81. № 6. P. 1028–1041.
24. *Kapferer J.N.* A Mass Poisoning Rumor in Europe // *Public Opinion Quarterly*. 1989. V. 53. P. 467–481.
25. *Knapp R.H.* A Psychology of Rumor // *The Public Opinion Quarterly*. 1944. V. 8. № 1. P. 22–37.
26. *Knopf T.A.* Rumor Controls: A Reappraisal // *Phylon*. 1975. V. 36. P. 23–31.
27. *McGregor D.* The Major Determinants of the Prediction of Social Events // *Journ. of Abnormal and Social Psychology*. 1938. V. 33. P. 179–204.
28. *Mullen P.B.* Modern Legend and Rumor Theory // *Journ. of the Folklore Institute*. 1972. V. 9. № 2/3. P. 95–109.
29. *Noymer A.* The Transmission and Persistence of “Urban Legends”: Sociological Application of Age-Structured Epidemic Models // *Journ. of Mathematical Sociology*. 2001. V. 25. № 3. P. 299–323.
30. *Pezzo M.V., Beckstead J.W.* A Multilevel Analysis of Rumor Transmission: Effects of Anxiety and Belief in Two Field Experiments // *Basic and Applied Social Psychology*. 2006. V. 28. № 1. P. 91–100.
31. *Rosenthal M.* Where Rumor Raged // *Trans-Action*. 1971. V. 8. № 4. P. 34–43.
32. *Rosnow R.L.* Psychology of Rumor Reconsidered // *Psychological Bulletin*. 1980. V. 87. № 3. P. 578–591.
33. *Rosnow R.L., Yost J.H., Esposito J.L.* Belief in Rumor and Likelihood of Rumor Transmission // *Language and Communication*. 1986. V. 6. № 3. P. 189–194.
34. *Rosnow R.L., Esposito J.L., Gibney L.* Factors Influencing Rumor Spreading: Replication and Extension // *Language and Communication*. 1988. № 8. P. 29–42.
35. *Rosnow R.L.* Inside Rumor a Personal Journey // *American Psychologist*. 1991. V. 46. № 5. P. 484–496.
36. *Rosnow R.L.* Rumor and Gossip in Interpersonal Interaction and Beyond: A Social Exchange Perspective // *Behaving Badly: Aversive Behaviors in Interpersonal Relationships* / Ed. R.M. Kowalski. Washington: DC: APA, 2001. P. 203–232.
37. *Shibutani T.* Reviewed Work: The Psychology of Rumor. By G.W. Allport; L. Postman // *The American Journ. of Sociology*. 1948. V. 53. № 4. P. 319–320.
38. *Shibutani T.* *Improvised News: A Sociological Study of Rumor*. Bobbs-Merrill, Indianapolis, IN, 1966.
39. *Thomas S.A.* Lies, Damn Lies, and Rumors: An Analysis of Collective Efficacy, Rumors, and Fear in the Wake of Katrin // *Sociological Spectrum*. 2007. V. 27. P. 679–703.
40. *Turner P.A.* Ambivalent Patrons: The Role of Rumor and Contemporary Legends in African-American Consumer Decisions // *The Journ. of American Folklore*. 1992. V. 105. № 418. P. 424–441.

MICRO-GROUP ANALYSIS OF RUMOR SPREAD FACTORS

D.S. Gorbatov

PhD, assistant professor, psychology chair, international institute of computer technologies, Voronezh

The conception of factors of unconfirmed information spreading more known as the basic law of rumor by G. Allport and L. Postman and its further modifications are described. The necessity of taking into account rumor arising factors' typical for collective subjects of the given communication – temporal micro-groups formed for the discussion of actual information – is grounded. In the process of micro-group analysis the following factors are described: homogeneity of psychological states of interlocutors in interpretation of problem situation, collective acknowledgment of the rumor as relevant to the case, forming of interlocutors' sense of solidarity. Advantages of micro-group analysis application to the problem of competition of different variants of rumor's contents are estimated.

Key words: rumors, factors of rumors spreading, micro-group analysis of the processes of rumor arising.